

ЭНН ФОРТЬЕ

НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖУЛЬЕТТА

Дебют высшей пробы... Фортъе лавирует среди ложных следов и непредсказуемых поворотов, и в результате мы имеем... лав-стори, которая читается как «Код да Винчи», с главной героиней — умной молодой женщиной.

Publishers Weekly

АЗБУКА

лучшего Ромео пришлось покончить с собой, махнув полфлакона драже «Тик-так».

— Я же ими траванусь! — возмущался четырнадцатилетний талант.

— Ну и отлично, — сказала я, подавляя материнское желание поправить ему бархатный берет. — Натуральнее сыграешь.

Только когда загорелся свет и дети вытащили меня на сцену и наперебой принялись благодарить, я заметила у дверей знакомую фигуру, серьезно взиравшую на меня под гром аплодисментов. Строгий и величавый как статуя, в темном костюме и при галстуке, Умберто смотрелся одинокой тростинкой цивилизации в первобытном болоте. Он всегда так выглядел. Сколько себя помню, он никогда не носил

повседневную одежду. Шорты хаки и рубашки гольф, по мнению Умберто, носили мужчины, лишенные каких бы то ни было добродетелей, в том числе и стыда.

Позже, когда натиск растроганных родителей схлынул и я смогла сойти со сцены, дорогу мне преградил наш режиссер. Он схватил меня за плечи и радостно потрянул, слишком хорошо меня зная, чтобы отважиться на объятия.

— Вот умеешь ты найти подход к подросткам, Джулия! — восхищенно воскликнул он. — Надеюсь, ты приедешь к нам на следующее лето?

— Ну конечно, — солгала я, обходя режиссера и направляясь к выходу. — Куда ж я денусь?

Добравшись до Умберто, я тщетно

высматривала признаки радости в уголках его глаз, где при виде меня обычно намечались смешливые морщинки, но на этот раз на лице его не было и следа улыбки, и я сразу поняла цель его приезда. Молча подойдя и обнявшись с Умберто, я искренне пожалела, что не в моей власти перевернуть реальность, как песочные часы, чтобы жизнь не заканчивалась, а продолжала течь через маленькую дырочку во времени.

— Не плачь, принчипесса², — сказал он мне в волосы. — Ей бы это не понравилось. Все там будем. Ей было уже восемьдесят два.

— Я знаю. — Я отступила, вытирая глаза. — Что, Дженис уже там?

Глаза Умберто привычно сузились при упоминании моей сестры-близняшки.

— Ну а ты как думаешь?

Только вблизи я разглядела, что он помят и мрачен, словно несколько дней подряд напивался, чтобы заснуть. А может, так оно и было. Что будет с Умберто без Роуз? Сколько я себя помню, эти двое составляли классический симбиоз денег и физической силы: она играла роль увядающей красотки, он — терпеливого дворецкого, и, несмотря на диаметрально противоположные характеры, никто из них и представить себе не мог жизни без другого.

«Линкольн» был припаркован у места для лагерного костра. Никто не видел, как Умберто положил в багажник мой старый рюкзак и церемонно открыл заднюю дверцу.

— Я хочу сидеть впереди. Можно?

Он неодобрительно покачал головой, но все-таки открыл правую дверцу:

— Я знал, что без нее все пойдет не так.

К слову, тетя Роуз никогда не настаивала на соблюдении формальностей. Хотя Умберто был в доме чем-то вроде дворецкого, она всегда обращалась с ним как с членом семьи. Впрочем, он свое место знал четко. Приглашение сесть с нами за стол всякий раз натыкалось на его озадаченно-корректный взгляд, словно для Умберто оставалось непостижимой тайной, как это возможно — хозяйка настойчиво просит, но отчего-то не получает желаемого. Он всегда ел на кухне, и даже раздраженное «Иисусе сладчайший» не могло убедить его сесть за стол с хозяевами, хотя бы в День благодарения.